

Четыре архивные публикации можно объединить общим названием "Восточная филология в Московском университете"; в них помимо интересных исторических фактов о возникновении и развитии этой специальности на разных факультетах, о преподавателях-востоковниках, о их научных занятиях содержатся важные сведения об истории создания восточного отделения филфака, основным инициатором которого и был Н.К. Дмитриев, и о формировании программ для него, привлечении педагогических кадров.

Когда познакомишься с известными статьями Н.К. по истории российской тюркологии и с опубликованными в рассматриваемом сборнике его архивными материалами на эту же тему, то становится понятным то особое впечатление, которое остается от чтения его работ, связанных с оценкой деятельности и личности ученых-востоковедов, поскольку в этих персоналиях (в сборнике представлены заготовки к биографиям, некрологам, юбилейные доклады или выступления, биографические заметки) Н.К. Дмитриев, обладая огромной научной эрудицией, стремился показать ученого и его научные достижения на фоне всей соответствующей отрасли науки – языкознания, литературоведения, фольклористики, истории и этнографии, методики преподавания и пр. Причем такой анализ со-

провождался особым уважительным отношением к личности каждого ученого, с подчеркиванием его лучших человеческих качеств. Отсюда каждый востоковед – предшественник в науке, коллега, учитель, близкий товарищ – в освещении Н.К. предстает перед читателем в законченном образе исследователя с оценкой его трудов (нередко и критической) и как живой член сообщества единомышленников-востоковедов (в такую характеристику часто вплетается тонкий юмор, которым, как известно, отличался в повседневном общении сам Н.К.). Таковы все, о ком писал здесь Н.К. Дмитриев: В.А. Богородицкий, В.А. Гордлевский, Л.З. Мсерианц, С.Г. Церуниан, С.С. Майзель.

Заканчивая обзор этого любовно составленного учениками Н.К. Дмитриева сборника, следует еще раз подчеркнуть, что Н.К. Дмитриев сыграл исключительную роль в становлении современной отечественной тюркологии, поэтому подобные публикации не только важны с точки зрения истории науки, но и показывают пути развития нашего востоковедения и высвечивают цели и задачи этой науки, пока не решенные, но намеченные ее выдающимися представителями.

*Д.М. Насилов*

***В.Н. Белоусов, Э.А. Григорян, Т.Ю. Познякова. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001, 238 с.***

Рецензируемая монография, вышедшая в свет под эгидой Института русского языка РАН, представляет собой серьезное научное исследование, состоящее из трех частей, объединенных общим предметом изысканий, коим является русский язык, функционирующий вне своего исконного этноса в качестве средства межнационального общения.

На первый взгляд может показаться, что тема функционирования русского языка в межнациональном общении достаточно разработана и хорошо представлена в научной литературе. Однако это кажется только на первый взгляд. Интерес к рецензируемому незаурядному исследованию возрастает по мере ознакомления с его содержанием и решением поставленных в нем важных проблем. Русский язык в своей ипостаси языка межнационального общения в книге рассматривается в новом аспекте и при этом с трех сторон и под разными углами зрения.

Примечательно, что при этом все части триптиха тесным образом взаимосвязаны и образуют единое монографическое исследо-

вание в трех измерениях. Такая структура способствует разностороннему и более глубокому освещению проблемы: из первой главы (автор В.Н. Белоусов) читатель получает объективные сведения об истоках формирования, становления и функционирования русского языка в качестве языка межнационального общения, с последующей его хронологической и территориальной стратификацией; во второй главе (автор Т.Ю. Познякова) на основе применения психолингвистического метода анализа освещаются внутривидовые изменения в самом русском языке в условиях его функционирования в иноязычной среде; третья глава книги (автор Э.А. Григорян) посвящена всесторонней методологической характеристике неисконной русской речи как основного объекта изыскания.

Книгу открывает раздел В.Н. Белоусова под названием "Социолингвистические аспекты функционирования русского языка в межнациональном общении" (С. 5–72). Автор для начала ставит задачу определить ме-

сто русского языка как языка межнационального общения в системе функциональной классификации языков-макропосредников. Анализируя существующую литературу по данному вопросу, В.Н. Белоусов убеждается в необходимости дальше детализировать функциональную классификацию языков-макропосредников. Он предлагает различать три следующих типа: языки-макропосредники международного и межнационального общения, входящие в клуб мировых языков; языки-макропосредники в многонациональном государстве; языки-макропосредники для общегосударственного общения в однопациональном государстве. В клуб мировых языков В.Н. Белоусов включает и русский язык.

Убедительно аргументируя необходимость дальнейшей детализации функциональной классификации языков, особенно языков межнационального общения, автор предлагает дополнительно ввести с этой целью еще один важный критерий: этноязыковую характеристику среды функционирования языка-макропосредника.

Мне представляется, что одной из интересных проблем, поднятых и разработанных В.Н. Белоусовым, является малоизученная, но чрезвычайно важная проблема истории выдвижения русского языка и дальнейшего его формирования как языка межэтнического общения. Процесс этот, как показывает автор, является весьма сложным и неоднозначным. В него вовлечены были социальные, демографические, этноязыковые и ряд других факторов, в том числе и политических. Попытка представить в самом общем виде типологию факторов, которые определяют выдвижение, становление и функционирование конкретного языка в качестве средства межэтнического общения крайне осложнена ввиду их тесной взаимообусловленности и взаимопроницаемости. В.Н. Белоусов предлагает, как нам кажется, весьма информативную группировку факторов, включенных в этот процесс и представленных в виде схемы на стр. 14. Он упорядочивает их и разделяет на две части – лингвистическую и лингвистическую: 1) факторы социальные, психологические, экстралингвистические, этнические, демографические, включая и языковую политику; 2) факторы лингвистические (состояние языка, функциональная потенция, относительная монолитность, уровень нормализации). Подробный анализ приводит автора к выводу, с которым нельзя не согласиться: "только совокупность всех факторов социальных, лингвистических, этноязыковых и др. приводит к становлению языка межнационального общения" (С. 19).

Центральным сюжетом исследования В.Н. Белоусова является периодизация функционирования русского языка в межнациональном общении. Хронологически последовательное освещение процесса выдвижения, становления и функционирования русского языка как главного макропосредника и основной связующей артерии народов Российской империи является значительным вкладом в социолингвистическую науку, посвященную русскому языку. Вопрос об этапах формирования русского языка как языка межнационального общения неоднократно привлекал внимание и затрагивался в советской социолингвистической науке. Проблема заключалась в том, что хронологические этапы этого длительного исторического процесса суживались и сводились в основном к началу становления советской власти и появлению в связи с этим благоприятных условий для употребления русского языка в качестве языка межнационального общения. Однако социально-политические изменения в первые десятилетия XX века и появление в дальнейшем благоприятных условий для функционирования русского языка вне своего этнического поля именно в этот период еще не являются основанием для снятия с повестки дня вопроса о прошлых, предыдущих этапах развития и функционирования русского языка как средства ликвидации языковых барьеров.

Сведение всего исторического процесса только к отрезку времени после XX века научно неоправданно. Полагаю, что большая заслуга автора заключается в ликвидации этого пробела в периодизации процесса становления русского языка как языка межнационального общения.

Выявив специфические особенности каждого хронологического этапа, В.Н. Белоусов на основе этих данных установил три периода в истории функционирования русского языка в качестве языка межнационального общения: период начала XX века в России и Российской империи; период до конца 80-х годов в СССР; период с начала 90-х годов в России и странах ближнего Зарубежья. Выделение третьего этапа, который автор относит к постперестроечному периоду, на первый взгляд может показаться необоснованным ввиду хронологической краткости самого этапа. На самом деле, этот постперестроечный этап выделен вполне логично и имеет право на существование. Более того, это предвидение автора, поскольку специфика этого этапа будет раскрываться позже, по мере развития во временных параметрах.

Постперестроечный период кардинально видоизменил административно-государствен-

ную структуру СССР: из бывших союзных республик сформировались новые государства, которые вышли из состава СССР. Но русский язык тем не менее продолжает функционировать как язык межнационального общения, но уже не в составе единого государственного образования, а как бы за пределами его границ, на территории суверенных государств. Полагаю, что через пару десятков лет, а может быть и раньше, третий этап четко засвидетельствует, что произошло с нами и с нашими языками.

Каждый из трех исторических этапов подробно анализируется и иллюстрируется автором. Мы здесь остановимся на некоторых особенностях, рассматриваемых в этой части и характерных для отдельных этапов. Говоря о фактах ранних культурно-языковых и прочих контактов русскоязычного населения с другими народами еще в X–XI веках, В.Н. Белосудов отмечает их интенсификацию в XVI–XIX веках, связанную с расширением русским государством своих границ. Двужычие в эти годы не было массовым, а уровень владения русским языком был невысоким. В заключении автор резюмирует, что в этот период русский язык, как неродной, явно не соответствовал параметрам макропосредника, но несомненен факт его употребления для преодоления языкового барьера между представителями разных этносов (С. 30).

Второй этап, хронологически совпадающий с периодом существования СССР, является центральным и характеризуется рядом специфических особенностей, главная из которых: изменение национально-языковой политики в СССР. Это дало автору основания делить второй этап на два периода: до 30-х и после 30-х годов. Такое разделение второго, советского этапа на два периода общепринято и представляется вполне оправданным, более того, без этого разграничения трудно было бы представить и понять логику последующих событий второго этапа. В основе этого членения лежит кардинальное изменение языковой политики государства: до 30-х годов принятые декреты и постановления правительства давали зеленый свет развитию национальных языков и культур и ликвидации неграмотности. Картина становится иной после известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об обязательном изучении русского языка в национальных школах. Это постановление и связанное с ним дальнейшее развитие языковых процессов имели значительные издержки, представленные чаще всего в сильно утрированном виде. Заслуга автора заключается в том, что он сумел показать объективную картину

происходящих процессов. Известно, что в научной литературе оба этапа, как первый до 30-х годов, так и второй после 30-х и до 80-х, не обойдены вниманием исследователей. Однако вопрос заключается в том, как они воспринимаются и объясняются: суть проблемы в самой трактовке событий, анализе причин и мотивов крутого поворота в официальной языковой политике. Заранее хочу отметить, что восприятие автора и трактовка прошедших исторических событий вполне соответствуют реальному положению дел.

Это один из кардинально важных моментов в исследовании, поэтому я позволю себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Итак, отмечая безусловно положительные стороны языковой политики до 30-х годов, которые способствовали развитию и укреплению национальных языков, автор вместе с тем подчеркивает, что темпы распространения русского языка в качестве языка межнационального общения, способствующего культурно-экономическим и социально-политическим преобразованиям, не удовлетворяли потребностей централизованного государства в общем для всех граждан языке межнационального общения (С. 32).

С этого момента и начинается второй этап, который длился с 30-х по 80-е годы. Характеризуется он максимальным развитием национально-русского двуязычия. Автор обращает внимание и на другой важный факт, характеризующий специфику этого периода, а именно, на резкий поворот в общественном мнении, крен в сторону усиления негативных моментов по отношению к русскому языку. Это, во-первых, скоротечная и противоречивая по сути переоценка роли русского языка как языка межнационального общения. Панигирики в его адрес в 80-х сменились уничижительными характеристиками, рассуждениями о вредности двуязычия вообще и национально-русского, в особенности, о пагубном его влиянии на развитие родного языка и культуры (С. 34). На этом этапе, уже в 80-х годах началось неоправданное сужение функций русского языка как языка межнационального общения, его сокращение в школьных программах. Эта политика началась в границах СССР, а после его распада – и в СНГ. В ответ поднималась протестная волна людей, понимающих и объективно оценивающих жизненную необходимость в многонациональном государстве языка межнационального общения, ликвидирующего языковые барьеры. Автор, безусловно, сумел показать объективно эту непростую ситуацию и дать ей соответствующую оценку.

Нам представляется важным и другой вывод автора о том, что, несмотря на неоправданное сужение в республиках функций русского языка, тем не менее "и в этот период основным средством преодоления языкового барьера для граждан СССР был русский язык" (С. 37).

Третий этап В.Н. Белоусов относит к периоду после 80-х годов. Распад СССР и образование суверенных государств из бывших республик коренным образом изменил языковую ситуацию на всем постсоветском пространстве.

Характеризуя языковую политику в большинстве стран СНГ и Балтии, автор обнаруживает наличие весьма характерного обстоятельства, и здесь приходится полностью соглашаться с его мнением: он фиксирует внимание читателя на том примечательном факте, что "языковая политика в этот период была направлена не столько на расширение общественных функций государственного языка (т. е. титульной нации), сколько на вытеснение русского языка из языкового пространства" (С. 41).

Между тем необходимо подчеркнуть, что русский язык обслуживал сферы, в которых национальные языки "не работали" в силу внутривидовой несостоятельности. Скоропалительная ликвидация русского языка из этих сфер была неоправдана, поскольку национальные языки не в состоянии были за короткий срок функционально перестроиться и "созреть" для предназначенной им роли. Для этого требовался определенный срок и усилия со стороны общества.

Главной особенностью в третьем периоде В.Н. Белоусов считает вопрос о функционировании русского языка в качестве средства межнационального общения в группе суверенных государств, входящих в СНГ. В этот период изменился и статус русского языка в РФ в связи с законом о языках от 25.10.1991 года, где русский язык был объявлен государственным.

Распад СССР на суверенные государства и рост национального самосознания изменили ценностные ориентации в языковой политике, что сказалось и на употреблении русского языка как неродного в странах СНГ и Балтии.

В связи с изменившейся ситуацией автор хочет выяснить:

1. сократилось ли употребление русского языка как неродного в странах СНГ и Балтии?

2. сократилось ли изучение русского языка как родного и неродного там же?

3. сократилось ли употребление русского языка в межнациональном общении между бывшими гражданами СССР?

4. каковы перспективы русского языка как средства межнационального общения?

На первые два вопроса В.Н. Белоусов дает утвердительный ответ: да, сократилось и заметно. Что касается третьего, очень важного вопроса, поскольку речь идет о русском языке и его судьбе как языка межнационального общения, ответ на него автор дает после проведения тщательного анализа полученных статистических данных, проведения анкетирования, использования Банка данных (С. 47-48, 50-52). Только на основе вполне репрезентативных материалов автор предлагает полную картину общего состояния русского языка в сфере межнационального общения и приходит к следующему важному выводу: "В настоящее время в качестве основного средства преодоления языкового барьера между бывшими гражданами СССР выступает русский язык" (С. 49). Для большей ясности проблему функционирования русского языка автор рассматривает в республиках РФ и в странах СНГ и Балтии отдельно. Получены весьма важные данные:

1. В результате анкетирования вузов девяти республик РФ собран интересный материал по поводу сфер применения русского языка: высокий уровень употребления его наблюдается в официальных сферах, в обращениях к органам государственной власти (С. 55). В сфере межнационального общения во всех обследованных вузах республик РФ бесспорно преобладает русский язык. Вывод: обследования в вузах республик РФ показали высокий уровень употребления русского языка нерусскими респондентами (С. 57). 2. Русский язык в странах СНГ и Балтии, по мнению автора, достаточно хорошо представлен в сферах массовой информации, затем – при обращении в государственные учреждения. По данным анкет, даже в семейном общении, например, многие киргизы используют одинаково русский и киргизский языки (С. 61).

Представляется также очень важным заключение В.Н. Белоусова и его выводы, которые можно сформулировать обобщенно так: эйфория суверенизации с последующим сокращением функций русского языка не смогли подорвать культурное и государственное значение русского языка в функциях языка межнационального общения; несмотря на дискриминационные меры по отношению к нему, особенно в странах Балтии, процесс этот не находит поддержки и, похоже, сходит на нет.

Идея недопустимости национально-культурной самоизоляции становится все более популярной. Признается также немаловажный факт, что ознакомление с достижениями всемирной культуры осуществляется при помощи русского языка, который к тому же является рабочим в различных органах и организациях стран СНГ.

Завершая свою часть, В.Н. Белоусов обращается к горячо дискутируемой проблеме неисконной русской речи или иначе, так называемым национальным вариантам русского языка. Вопрос ставится ребром, а именно: правомерно ли признать существование неисконной русской речи в качестве одной из форм существования русского языка. Т.Ю. Познякова и Э.А. Григорян отвечают на этот вопрос положительно (см. главы II и III). Наличие ее имплицитно признается и В.Н. Белоусовым, но с предложением разработать некую шкалу неисконной русской речи, на полюсах которой находится, с одной стороны, минимальный уровень владения неродным языком, а с другой – свободное владение (С. 69). Автор признает необходимость определения предельно допустимых уровней своеобразия, позволяющих квалифицировать неисконную русскую речь представителей разных этносов именно как русский язык, а не как некий пиджин, точнее целый ряд пиджинов (С. 69–70).

В.Н. Белоусов, как и Т.Ю. Познякова, признавая различия в разных регионах бытования русского языка интерференцией или результатом плохого знания языка, вместе с тем справедливо считают, что к ним не могут быть сведены все специфические черты русского языка как средства межнационального общения. Наблюдения последних лет показывают, что специфические черты в русском языке межнационального общения начали увеличиваться и обусловлены прежде всего влиянием родного языка билингва (С. 70). Они придают русскому языку иное стилистическое измерение. Согласно Л.М. Грановской, которую цитирует автор, это не орнамент, а структура содержания, обусловленная широкой интерференцией.

Проблема лингвистической природы языка межнационального общения, ее понимание и представление в современной лингвистике разноречивы. Т.Ю. Познякова, на которую ссылается В.Н. Белоусов, считает, что русский язык как средство межнационального общения "это одна из форм существования русского языка, обеспечивающего коммуникативные потребности членов разноречивого сообщества и обладающего набором дифференциальных признаков по

отношению к русскому языку как национальному. Наличие этих признаков обусловлено не иноязычным влиянием, поскольку они представляют собой результат функционально коммуникативной специализации и стратификации лексических и грамматических ресурсов инвариантных систем русского языка" (С. 71; см. II главу книги). Цитируя Т.Ю. Познякову, В.Н. Белоусов в то же время полагает, что не все отступления от норм русского языка могут интерпретироваться как результат спецификации и стратификации ресурсов инвариантной системы русского языка. Такие соответствия есть на всех уровнях, кроме лексического.

Попутно отметим, что, используя неоднократно новый термин "неисконная русская речь", авторы I и III главы не определились в отношении его авторства. В.Н. Белоусов ссылается на Ю.Н. Караулова и на его доклад в 1991 г. "О состоянии русского языка" (С. 69). С другой стороны, Э.А. Григорян на стр. 155 своего раздела в сноске пишет, что термин этот впервые употреблен им как синоним "русской речи нерусских" и также со ссылкой на Ю.Н. Караулова. Представляется, что необходимо прийти к согласию в отношении авторства указанного термина, который используется в лингвистике, достаточно адекватно отражая исконное значение.

\* \* \*

Вторая часть монографии, автором которой является Т.Ю. Познякова, "Лингвистические характеристики русского языка в межнациональном общении" (С. 73–154), посвящена установлению закономерностей реализации внутривидовых ресурсов русского национального языка при функционировании его в условиях межнационального общения. Решение этой задачи автор связывает с положением о том, что русский язык в межнациональном общении является адаптированной формой существования национального языка в многоязычном социуме. Признание этого постулата в свою очередь вплотную подводит автора к необходимости определения прежде всего функциональной значимости русского слова в межнациональном общении, причем не просто значимости как таковой, а именно функциональной значимости, которая изменяется при переходе от «монопольной сферы использования языка в другую "поликультурную"» (С. 74), т. е. значимость не в статике, а в динамике. Т.Ю. Познякова считает, что функциональная значимость поддается измерению, поскольку в одних случаях обусловлена таким типом синтагматических

отношений, которые возникают при переходе единиц из потенциального состояния в актуальное (динамический аспект). В других (структурный аспект) значимость поддается измерению по сочетаемостно-дистрибутивным свойствам.

Представляется, что именно этот динамический аспект позволяет определить актуализированную в неродном языке функциональную значимость как позитивную оценочную категорию, которая, как пишет Т.Ю. Познякова, отражает как преференции билингва, так и ценностные ориентации иноязычного коллектива, и в связи с этим может использоваться для характеристики языковых элементов, конституирующих этот язык межнационального общения (С. 76). Здесь четко сформулировано, как нам кажется, одно из основных положений автора, которое во многом определяет логику дальнейшего раскрытия материала. Отметим также, что Т.Ю. Познякова широко привлекает психолингвистические методы анализа.

В разделе представлен богатейший материал продуцированных билингвами текстов, раскрывающих понятие "функциональная значимость" в двух ее аспектах: структурном и динамическом. Сошлемся на пример функциональной изоляции иноязычных единиц. Анализируя лексические единицы из языков народов России и СНГ, включенные в русский язык (например, *эйлагги* "летние пастбища") и образующие двучленные структуры "национальное слово – русская параллель", автор заключает, что национальное слово в этих оппозициях в русском языковом окружении ввиду своей замкнутости лишено способности к семантическому развитию и поэтому оказывается в позиции функциональной изоляции. Нам представляется, что в ряде случаев национальному слову удастся вырваться из "оков" двучленной структуры и свободно функционировать в русском языке, войдя в словари на законном основании. Ср. оппозицию *лаваш* "вид хлебобулочных изделий", позже просто *лаваш*, без комментариев, как слово *бублик* или *крендель*.

Весьма ценным и интересным представляется обстоятельный анализ проблемы языкового сознания билингва при отборе общеязыковых средств. При этом основной упор Т.Ю. Познякова делает на субъективную сторону варьирования, недостаточно изученную, что заставляет обратиться к психолингвистическому анализу фактов.

Теоретическое осмысление динамической природы русского языка как средства межнационального общения построено автором на основе противопоставления двух ти-

пов норм – реализованного и реализуемого. "поскольку единственно позволяет... осмыслить динамическую природу русского языка как средства межнационального общения" (С. 99). Критерии и правила отбора выявляющихся на основе экспериментов, позволяющих установить закреплённость за словом коммуникативной ценности в общении на втором языке, т.е. установить действие механизма отбора и поиска коммуникативно достаточного слова в языковом сознании билингва.

Серия психолингвистических экспериментов проведена с целью вскрыть селективное вербальное поведение билингвов, понять, собственно, роль субъекта, не зависящую от влияния родного языка. Для эксперимента были отобраны две лексико-семантические группы, контрастные по своим лингвистическим характеристикам: группа глаголов речи с сильно выраженной денотативной функцией и группа наречий "совсем" со слабо выраженной денотативной функцией.

Представляется весьма интересным факт, что из простых глаголов, данных на выбор (*разговаривать, обсуждать* и пр.), информанты образуют аналитические конструкции типа *вести беседу* и т. п. Этот же факт отмечает в своей главе и Э.А. Григорян. Тяга к аналитизму – явление показательное и знаковое. Известно, что многие индоевропейские языки, имеющие первоначально преимущественно синтетические формы при образовании глагольных парадигм, впоследствии развили мощную аналитическую систему. Показательно также, что билингв предпочитает использовать вместо, казалось бы, простого глагола *беседовать* более сложный вариант *вести беседу*. Причем в первой группе 68% и во второй 73% испытуемых выбрали аналитическую форму выражения денотата.

В целом автор делает важный вывод, имеющий принципиальное значение: из каждой лексической группы отбираются те единицы, которые выражают доминантный дескриптивный признак, т.е. конкретно тот глагол, который является ядром в системе русского национального языка. "В процессе отбора актуализируются и закрепляются прежде всего те единицы из вариативного ряда, которые наиболее непосредственно связаны с понятием и наиболее полно передают его содержание" (С. 109).

Эксперимент со второй группой слов (*вполне, абсолютно, совсем* и пр.) был проведен по поводу наличия в языковом сознании билингва собственной иерархии значений. Группа эта, по сравнению с первой, диффузна и денотативно слабо выражена.

Доминирующий ядерный признак в ней представляют наречия *совсем* и *совершенно*. Эксперимент был основан именно на противопоставлении этих двух групп и дал возможность автору сделать ряд чрезвычайно важных выводов, которые можно свести к следующим положениям психолингвистического характера.

В языковом сознании билингва представлена не вся совокупность обозначений того или иного понятия, а наиболее близко находящаяся к денотату часть: в ряду лексико-семантических вариантов образуется новый набор вариаций, с более нейтральным общим понятийным содержанием; в языковом сознании билингва происходит перераспределение лексико-семантических вариантов по степени их коммуникативной значимости для организации высказывания. В процессе отбора актуализируются и закрепляются лексемы, выражающие доминантный дескриптивный признак, при этом происходит сокращение словарного объема русского языка. Единицы с диффузными семантическими характеристиками также подвергаются отбору.

При этом возникает вопрос: а каковы изменения диапазона вариативности в неродном языке и чем они определяются?

Автор тоже задает себе этот вопрос и дает исчерпывающий ответ на основе психолингвистических экспериментов. Полученные данные свидетельствуют, что изменения диапазона вариативности в неродном языке определяются принципом коммуникативной целесообразности, то есть тем, что способствует точной смысловой организации высказывания. Имеет место актуализация ядерной лексики. Процесс же функциональной адаптации сужает диапазон вариативности, что ведет к ограничению средств выражения (С. 117). С этим выводом автора вполне можно согласиться. Далее Т.Ю. Познякова переходит к анализу самого процесса сокращения диапазона вариативности, которое происходит двумя способами: 1) при слабом билингвизме чаще имеет место субординативная форма *врач выздоровил собаку*; 2) при координативном билингвизме характерна установка билингва на гиперкоррекцию, то есть превращение факультативных языковых правил в облигаторные. Особое значение для адаптационных процессов имеют принципы организации лексикона билингва.

Естественно, что в связи со всем сказанным, особенно по поводу сужения диапазона вариативности, автор не мог оставить без внимания такую важную проблему, как антиномия "код-текст" и "система-норма". Во весь рост встает вопрос, поднятый еще Л.Б. Никольским, об антиномии "реализо-

ванная норма – реализуемая норма". Выясняется, что антиномия кода и текста в неродном языке разрешается в пользу упрощения кода (набора знаков слов, фонем, морфем), следствием чего становится увеличение текста (С. 133). Код сокращается, зато текст удлиняется. И далее автор вновь возвращается к важному вопросу, связанному с аналитизмом билингвов, четко определяя: "В неродном языке это явление выражается в изменении пропорции аналитических и синтетических способов речепроизводства" (С. 134). Причем аналитические предпочтения билингвов в способах речепроизводства распространяются на все уровни неродного языка. Важно отметить, что высокий процент "аналитических" речевых предпочтений билингвов (выше 60%) не зависит от строя родного языка информантов.

В результате изучения речевых предпочтений билингвов Т.Ю. Познякова приходит к выводу, что в неродном языке противоречия между кодом и текстом, системой и нормой разрешаются в установлении соответствий между формой и содержанием языковой единицы (С. 141). Наблюдаемые же противоречия между сокращением диапазона вариативности и наличием различных степеней поуровневого варьирования, наконец, между стандартизацией неродного и варьированием родного русского языка в иноязычном окружении, по мнению автора, можно интерпретировать как действие языковых антиномий кода и текста, системы и нормы.

Эксперименты, выясняющие, как разрешаются языковые антиномии в неродном языке, показали явное увеличение аналитических способов выражения. Так, для выражения начинательного способа действия использовалась преимущественно конструкция "начать + инфинитив" ("начать петь"). Анализ показал, что аналитические предпочтения билингвов в способах речепроизводства распространяются на все уровни языка (С. 135). Это дало основание автору сделать вывод об устойчивости аналитических реализаций в русской речи билингвов. Указанное чрезвычайно важное обстоятельство, характерное для русской речи билингвов, независимо от их этнической, национальной принадлежности, требует объяснений, и автор убедительно трактует его следующим образом. Механизм этого явления заключается в том, пишет Т.Ю. Познякова, что билингвом регулярно реализуются наличествующие в системе неродного языка формально полезные для него свойства русских языковых единиц: "легкие" способы словообразования, "удобные" синтаксемы и пр. Из "ис-

конного" набора вариативных единиц выбираются однотипные и регулярно образуемые (С. 141). Носитель родного русского языка способен варьировать речь, он "свободно" владеет языком. Это селективная способность. Антиномия же кода и текста в неродном языке разрешается в пользу упрощения кода.

Последнюю часть главы Т.Ю. Познякова посвятила вопросу выработки и стабилизации нормы в русском языке как средстве межнационального общения. Здесь поднимается весьма спорная и многострадальная проблема, связанная с пониманием национальных вариантов русского языка. Анализ речевых предпочтений билингов и психолингвистические эксперименты свидетельствуют о том, что в коллективном языковом сознании существует вполне определенный свод правил, согласно которому неродной русский язык используется в межнациональной коммуникации, хотя его лексикон не зафиксирован в словарях, а синтаксис не описан в грамматических справочниках (С. 151). Имеет место отбор и закрепление языковых единиц, оцениваемых как коммуникативно значимые с точки зрения двуязычной личности.

Тут автор вплотную подходит к факту наличия узуальной нормы, которая и является спасательным кругом для решения сакрального вопроса о национальных вариантах русского языка. Опираясь на тезис о том, что вариант языка предполагает наличие собственной кодифицированной нормы, а узуальная норма не бывает кодифицированной, становится ясным, что «под пресловутыми "национальными вариантами русского языка" следует понимать варианты **неродного языка**» (С. 151). Но поскольку, рассуждает далее автор, неродной язык билинга не идентичен родному языку монолинга, эти две ипостаси русского языка отличаются друг от друга, и, что самое важное, отличаются не столько интерференционным фоном, речевыми искажениями и калькированием и даже не разной "языковой компетенцией", сколько разными способами организации и регулирования языкового материала, его речевыми воплощениями (С. 154). Этим все сказано, причем убедительно.

\* \* \*

Третья глава рецензируемой монографии называется "Методологическая характеристика неисконной русской речи" (С. 155–236, автор Э.А. Григорян) и представляет собой обстоятельный анализ внутреннего содержания и терминологической сущности понятия

"неисконная русская речь", с учетом языкового сознания билинга и существующих традиций и трактовок.

Изложение этой главы книги начинается подробной аргументацией мотивов выбора терминосочетания "неисконная русская речь", с дальнейшим подробным анализом всех его компонентов в отдельности. Прежде чем перейти к раскрытию лингвистической сущности своего предмета, автор обстоятельно останавливается на определении используемых им терминов и понятий, нередко по-своему интерпретируя уже состоявшиеся и принятые в научном обиходе определения. Термин "неисконная русская речь", введенный Э.А. Григоряном, относительно новый и используется вместо синонима "русская речь билингов". Автор рассматривает "неисконную русскую речь" как особую форму существования русского языка в функции средства межнационального общения, что не кажется бесспорным.

Поскольку в дихотомии язык/речь предметом его изысканий является именно речь, Э.А. Григорян считает необходимым дать определение и обосновать правомерность самого понятия "неисконная речь". С этой целью он начинает анализ со второго члена оппозиции в его положительном значении, а именно с определения, что такое "исконная речь". В итоге он приходит к следующему выводу, обосновывающему правомерность использования компонента "неисконный": «слово "неисконный"... вполне может быть принято в качестве термина в терминологическом сочетании "неисконная русская речь", так как лингвистический узус, используя термин "исконный", вполне подготовлен к его восприятию» (С. 158). Что касается собственно лингвистических особенностей неисконной русской речи в функции средства межнационального общения, то Э.А. Григорян утверждает, что в силу условностей идеологического и ментального планов в науке не выработаны методы, позволяющие вскрыть языковую особенность неисконной русской речи, и, главное, нет методов исследования соответствующих текстов (С. 163). Под широко распространенным ранее термином "гармоничный характер национально-русского двуязычия" понималось равноценное владение обоими языками. Э.А. Григорян в итоге приходит к следующему, совершенно справедливому и своевременному выводу: "традиции свидетельствуют о том, что функциональный аспект изучения русского языка как языка межнационального общения превалирует над слабой изученностью лингвистических характеристик русского

языка в этой роли" (С. 163). Об этом же в своем разделе говорила и Т.Ю. Познякова.

Определив неисконную русскую речь как "совокупность устных и письменных речевых произведений людей, которые не считают русский язык родным" (С. 164), автор, по логике вещей, закономерно переходит к определению понятия и "родной язык".

Свое изложение Э.А. Григорян начинает с тезиса, в котором утверждается, что существующие в науке определения термина "родной язык" не исчерпывают сущности этого понятия (С. 164). Фактический материал свидетельствует, продолжает далее автор, что "родной язык" как понятие, явление, содержит много других компонентов. Поэтому термин этот является неоднозначным и неудобным для научного использования. Причину этого автор склонен видеть в монолингвальной модели представленности мира и языков народов, которая является распространенной во всех разделах языкознания (С. 165). Далее автор задает риторический вопрос о правомерности исследовательской модели, исходящей из только монолингвального представления об этноязыковой экзистенции. Быть может, в ней нужно учитывать и реальное многообразие форм существования и смешения этносов и языков? Ответа, увы, по мнению автора, в современной науке нет (С. 165). Существующие определения родного языка, по мнению автора, в большей мере соответствуют монолингвальным этническим коллективам. Они базируются на мощных стереотипах, которые относятся к сфере этнической формы существования человечества.

Рассуждая далее, автор приходит к выводу, что именно в исследовании иных этнолингвистических моделей следует искать те подходы, которые позволят поднять изучение феномена неисконности и функционирования русского языка как средства межнационального общения на научный уровень, избавив обсуждение от давления этноцентрических стереотипов (С. 168).

Особо останавливается автор на проблеме соответствия родного языка и национальности и единственности родного языка в плоскости поиска типологии соотношения этих ментальных категорий (С. 170). По ходу изложения автор критикует термин "второй родной язык", а заодно приводит множество фактов, подтверждающих, напротив, наличие этой категории двуязычия (С. 171 и сл.).

По поводу имеющего довольно широкое хождение, я бы сказала, весьма распространенного в прошлом термина "второй родной язык" Э.А. Григорян высказывается отрицательно, рассматривая его как умерший поли-

тический лозунг (С. 171). Вряд ли с этим можно согласиться. Оставляя в стороне политические и прочие обертоны, звучащие в понятии "второй родной язык", считаем, что он в реальной языковой действительности, судя по приведенным самим автором (и не только им) материалам, существует. Наиболее часто встречается ситуация, когда родной язык совпадает с этническим, второй же язык не совпадает, но в состоянии обслуживать те же общественные сферы, что и родной, свободно чередуясь с последним.

Исходя из личного языкового опыта, я считаю, что носитель "второго родного языка" владеет в равной степени как этническим языком, например, армянским, так и вторым, русским. Полагаю, что, несмотря на непризнание и неприятие "второго родного языка", сам Э.А. Григорян находится в подобной ситуации. Наконец, по его же данным, вторым родным языком является русский у белорусов, у многих украинцев, у коми и ряда других народов.

Слова "второй" и "родной" подразумевают чаще всего уровень одинаково свободного владения вторым языком, как первым, исконным. Билингв одинаково мыслит на обоих языках, нередко не замечая самого момента перехода с одного языка на другой.

Признавая, что понятие "родной язык" – сложный ментальный и социолингвистический объект, автор далее уточняет рабочее определение неисконной русской речи следующим образом: под словами "не является родным" должны быть учтены все особенности понятия "родной язык". При этом он вводит важное уточнение, касающееся того, что эффект неисконности возникает в любом случае, когда родной язык не является единственным.

Далее логика изложения подводит автора к необходимости выяснить соотношение неисконной русской речи и родного языка. Ценность исследования Э.А. Григоряна заключается еще и в том, что, углубляя понятие "неисконная русская речь", автор считает необходимым определить по возможности все компоненты этого понятия, в том числе, и особенно, трактовку слова "русский" – третьего компонента терминосочетания. Так он подходит к раскрытию проблемы языковой принадлежности фактов речи (С. 178). Он исходит из положения о том, что для языка, вышедшего за пределы исконного этноса, неизбежно должны существовать речевые формы, которые продуцируются неисконными его носителями, представителями разных национальностей. Возникает проблема идентификации речи как именно русской, а это

должно позволить определить отношение неисконной русской речи к русскому языку с использованием специальной методики оценки речи, ориентированной на нормы национального русского языка (С. 179).

При определении языковой принадлежности речи, по мнению автора, возможны несколько исходов: речь относится к русскому языку, речь относится к национальному языку; речь не относится ни к русскому, ни к национальному языку. Последнее языковое состояние признается как мало изученная в России смешанная речь, которую далее Э.А. Григорян описывает, демонстрируя примеры пиджинов на основе русского языка, которые считались испорченной речью. Довольно интересно описание образцов смешанной речи по стране – суржик на Украине, трасянка и пр. В смешанной речи русский язык представлен лексикой, а национальный – грамматикой. Смешанная речь в принципе малоизучена. Она характеризуется еще своей неустойчивостью и лингвистической разнообразностью.

При определении языковой принадлежности на стыке смешанной речи и низших форм неисконной русской речи можно использовать, пишет Э.А. Григорян, два критерия: языковую правильность и коммуникативную достаточность речи. Низшие формы неисконной русской речи почти всегда понятны носителям русского языка. Устойчивая же смешанная речь понятна только тем, кто ее знает. В заключении автор подтверждает, что объектом его наблюдений является речь, которую можно определить как русскую.

Среди проблем, рассматриваемых в рецензируемой книге в целом, в том числе и в этом разделе, наиболее значительными являются вопросы, связанные с изучением русского языка как лингвистического объекта, функционирующего за пределами своего этноса. При этом на первый план выдвигаются два фактора: фактор интерференции и в качестве второго – фактор степени владения языком. Действие этих двух факторов имеет следствием появление в неисконной русской речи специфических языковых особенностей. Э.А. Григорян выделяет два вида интерференции: потенциальную и реальную (С. 190). Потенциальная интерференция предсказуема, поскольку основана главным образом на структурно-типологических несоответствиях двух языков. Реальная же зависит от степени владения родным и неродным языками. По мнению автора, изучая роль интерференции, основной упор следует делать на возможность реальной интерференции, поскольку "речевая ткань" неисконной речи

формируется только реальной интерференцией (С. 190).

Выявляя недостатки в изучении интерференции и особенно ее факторов, Э.А. Григорян предлагает разделить всю процедуру анализа на два этапа: на первом выясняется поле потенциальной интерференции, на втором – анализ фактической, реальной интерференции. Второй этап должен учитывать как языковое взаимодействие, так и, особенно, специфику речевого поведения, а также социолингвистическую и психолингвистическую характеристики. По мнению автора, личностная интерпретация интерферентных явлений должна более точно диагностировать процесс овладения вторым языком (С. 192). При таком подходе, считает автор, выявляются новые типы интерференции, ранее в научно-методической литературе не встречавшиеся.

Особо останавливается Э.А. Григорян на вопросе об уровне/степени владения языком, рассматривая его как показатель, определяющий специфику неисконной русской речи.

Анализируемая автором литература явно свидетельствует о том, что по данному вопросу нет единого мнения. Существует множество параметров определения, позволяющих по-разному оценивать уровень владения языком. В связи с этим автор переходит к оценочным ориентирам неисконной русской речи, выявлению языковых средств оценки, а также логических и психологических ее закономерностей.

По мнению Э.А. Григоряна, реально существующий набор оценок каждого конкретного языка включает оценки разноплановые, зависящие от речевой ситуации. Важно, кто оценивает, чья речь оценивается, какой язык оценивается. В двучленной речевой ситуации эти позиции реализуются следующим образом: оценивает русский, оценивает национал; оценивается речь русского, речь национала; оценивается русская речь и национальная речь; русский оценивает русскую речь русского; русский оценивает русскую речь национала, т.е. неисконную русскую речь; неисконную речь оценивает национал и др. Далее автор пытается вывести критерий оценки, используя ряд примеров. Выясняется, что на словесном уровне имеются три параметра для оценки: количество слов, содержательность, темп речи. Словарные оценки речи могут носить комплексный характер. В результате автор заключает, что в лексике и фразеологии русского языка обнаруживаются единицы, которые устойчиво отражают оценочное отношение носителей языка к тем или иным качествам речи. По-

сле анализа русской речи русским и его оценочной характеристики автор переходит к ситуации, где русский оценивает русскую речь национала.

В неисконной русской речи совершенно иным образом оценивается лексика. Здесь на первый план выдвигается неприкосновенность фонетического облика слова, в первую очередь оценивается наличие ошибок. В работе представлена вербальная шкала оценок речи, на самой нижней ступени которой, отрицательной, расположена оценка "ни бум-бум", т.е. ни слова не понимает; на верхней "чисто по-русски", что означает высокое языковое умение.

Свой раздел Э.А. Григорян завершает описанием уровней владения языком. Выделены уровни, где речь невнятна. Затем следует элементарный уровень, где речь понятна, односложна и с ошибками на всех ярусах. Следующий уровень так называемый достаточный, где речь понятна, лексика безошибочна, темп

нормальный, ошибки только на грамматическом ярусе. Наконец, следует корректный уровень т.е. нормальная речь с нарушениями только на интонационном ярусе.

\* \* \*

В заключение отметим, что все три части рецензируемой монографии читаются с большим интересом. Поднятые в ней проблемы, связанные со становлением, развитием и функционированием русского языка за пределами своего этноса, лингвистические и научно-методологические вопросы рассматриваются в совершенно новом аспекте.

Авторы заглянули как бы за другую сторону медали, обнаружив там ряд белых пятен, нуждающихся в серьезном научном осмыслении и интерпретации. С этой задачей авторы справились успешно.

Э.Г. Туманян

*G. Lazard. Etudes de linguistique générale: typologie grammaticale. Leuven; Paris: Peeters, 2001. – XVI + 472 p.*

Данная книга по своему жанру ближе всего к тому, что обычно называется "избранные труды": в нее входят двадцать четыре статьи, написанные и опубликованные автором в разные годы, но преимущественно в течение последнего десятилетия. Все эти статьи посвящены проблемам грамматической типологии – как общим (теоретический статус типологии как научной дисциплины, ее принципы и методы, терминология и т.п.), так и более конкретным (анализ отдельных грамматических категорий, особенно в сфере выражения актантных отношений и модальности). Статьи воспроизводятся в том виде, в каком они были первоначально опубликованы; четыре статьи сборника написаны по-английски, остальные – по-французски. Одна работа печатается впервые.

Публикация этой книги – событие, которого давно ожидали и которое следует всячески приветствовать. Ее автор, французский лингвист Жильбер Лазар – безусловно, один из ведущих и наиболее авторитетных современных типологов (по крайней мере, в Европе и в тех странах за ее пределами, где наукой еще признано право изъясняться не только по-английски). Следует сразу отметить, что вклад Ж. Лазара в лингвистику отнюдь не исчерпывается публикациями, собранными в данной книге: он является признанным специалистом в области иранской филологии, автором одной из наиболее час-

то цитируемых грамматик современного персидского языка [Lazard 1957] и целого ряда комментированных переводов классиков персидской литературы. Кроме того, лингвисты-теоретики хорошо знакомы с его фундаментальной книгой "Актантная структура" (французское издание вышло в 1994, английское – в 1998 г. [Lazard 1994 и 1998]), а специалисты по языкам Океании – с подробной грамматикой тантрянского языка (написанной в соавторстве с носительницей языка Л. Пельтцер и рассчитанной в том числе и на типологов [Lazard, Peltzer 2000]). К этому следует добавить, что в 1984 г. Ж. Лазар создал и до самого недавнего времени возглавлял группу по изучению актантной структуры предложения (RIVALS); он же был одним из инициаторов издания трудов этой группы, – периодического сборника "Actances", выходящего в Париже.

Как признается сам Ж. Лазар в предисловии к книге, разнообразие естественных языков привлекало его всегда – не случайно одним из первых эпизодов его научной биографии стало участие, еще в студенческие годы, в подготовке второго издания энциклопедии "Языки мира" под руководством М. Козна (этого лингвиста, наряду с Вандриесом, Бенвенистом, Шантреном и Рену, он считает своим учителем). Однако если в 50–70 гг. Лазар в основном выступал в печати как иранист, то 80-е и особенно 90-е гг. являются периодом его очень интенсивной деятельности в